

УДК 81'25
Doi 10.26456/vtfilol/2024.2.208

ПРОБАЦИЯ VS PROBATION: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-КОГНАТОВ

С.А. Колосов

Тверской государственной университет, г. Тверь

Юридическая терминология обладает национальной спецификой, что создает дополнительные трудности при подборе переводческих соответствий. В статье обсуждается проблема перевода юридического термина уголовно-исполнительного права РФ «пробация» в связи с тем, что за коррелирующим термином-когнатом в англоязычных юрисдикциях закреплено иное, более узкое значение.

Ключевые слова: *пробация, юридическая терминология, термины-когнаты, уголовно-исполнительное законодательство.*

Несмотря на то что доктринальное ядро российского уголовного и уголовно-исполнительного права давно сформировано и имеет устоявшуюся понятийно-терминологическую систему, эта система динамическая. С течением времени может происходить рекатегоризация уголовно-правовых понятий, в результате чего (частично) переосмысливается понятийное значение существующих терминов. Термины могут выходить из употребления, а новые термины вводятся в связи с необходимостью обозначения появляющихся реалий (правонарушений, правоотношений, процессуальных норм, практик и т.д.), а также заполнения понятийных и/или лексических лакун, связанных с вынужденным взаимодействием национальных правовых систем. В частности, в [2: 211] делается вывод о том, что развитие правового регулирования и научного оформления идей международного права в российской национальной правовой системе в конечном итоге способствует формированию самостоятельной подотрасли международно-уголовного права со своим предметным содержанием, которое, добавим, требует понятийного осмысления и терминологической разработки.

Законодательство любого государства обладает национальной спецификой. Асимметрия и особенности правовых систем и концептуализирующих их понятий в первую очередь проявляются в переводе и билингвальной лексикографической репрезентации коррелирующих терминологических единиц. По мнению Г. Лайкауф, «перевод на язык другой понятийной системы с сохранением понятийной системы исходного языка на первый взгляд может показаться квадратурой круга. Это означало бы переводить, например, австрийский юридический текст на русский язык, избегая русских юридических терминов, точнее, терминов российской правовой системы. Однако на

практике это вполне решаемая задача, хотя иногда достаточно трудная» [3: 150]. Успешность решения этой задачи зависит не только от специальных предметных знаний переводчика в области сравнительного правоведения и сугубо лингвистической компетенции, которая подразумевает профессиональное владение языком оригинала и языком перевода, но также и от умения проводить качественный семантический анализ, умения работать с лексикографическими источниками и справочной литературой, осуществлять поиск необходимой дополнительной информации для адекватного выбора и формирования переводного эквивалента.

В контексте обсуждаемой проблематики весьма показателен пример с переводом на английский язык термина «пробация», который относительно недавно закрепился в российском юридическом законодательстве – с 1 января 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [10]. Очевидно, что с чисто формальной точки зрения перевод термина «пробация» на английский язык не представляет никакой проблемы – в английском языке есть соответствующий когнат probation, который так же имеет статус юридического термина. В новостных сообщениях на английском языке по поводу принятого закона (справедливости ради стоит заметить, что все приводимые здесь источники – это англоязычные версии российских новостных агентств и медиа-ресурсов) ожидаемо используется слово probation [11, 13, 16].

Самый популярный переводческий онлайн-словарь «Мультитран» предлагает именно этот вариант перевода с пометой «юр.» (юридическая лексика). В отдельной тематической вкладке «Юридическая лексика», в которой насчитывается 71 фраза с искомой лексической единицей, лексема probation фигурирует в абсолютном большинстве вариантов. Исключение составляет пара узкоконтекстуальных эквивалентов, в которых «пробация» не является ядерным компонентом: например, *воспитательно-исправительное воздействие на лиц, отбывших лишение свободы или пробацию / after-care*. Понятно, что в данном случае русская фраза является семантически эксплицированным и контекстуально обусловленным вариантом перевода *aftercare*.

Результаты словарного поиска в обратном направлении, то есть перевода слова probation на русский язык, дают более пёструю картину.

В специализированном словаре [4: 595] зафиксировано пять значений лексемы probation: 1) доказательство, доказывание; 2) испытание; 3) система испытания (вид наказания по англо-американскому уголовному праву); 4) стажирование; 5) условное освобождение. Только третье и пятое значения относятся к интересующей нас предметной области. В [6] термин «пробация» упоминается исключительно при обсуждении уголовно-исправительных

систем Великобритании и США в контексте исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. При этом отмечается, что институт probation «близок по своему содержанию с действующим в России уголовно-правовым институтом условного осуждения» [цит. раб.: 377]. Д. Н. Сергеев ссылается на шведского криминолога У. Бунденсон, которая указывает, что «условное осуждение по шведскому и американскому законодательству отличается от режима probation тем, что условное осуждение применяется к преступникам, для исправления которых не требуется особых мер, и в качестве предупреждения достаточно вынесения приговора. При режиме probation, помимо самого факта осуждения приговором суда, имеет место также применение надзора за поведением лица, что приближает probation к статусу особого наказания, а не просто порядка исполнения наказания» [5: 69]. Этот тезис опять же свидетельствует о том, что в российских реалиях условное осуждение является ближайшим аналогом института probation в ряде зарубежных стран. Интересно отметить, однако, что в имеющихся англоязычных переводах УК РФ probation используется в нескольких синтактико-морфологических вариациях только для понятия «испытательный срок» (period of probation / probation period / probationary period), устанавливаемого при назначении условного осуждения, которое передается как conditional conviction [9] и conditional sentence [15] соответственно.

Осмысление и интерпретация нового для российского уголовно-исполнительного законодательства термина «probation» отечественными правоведами начались еще на этапе разработки и общественного обсуждения соответствующего законопроекта. С лингвопрагматической точки зрения весьма показательны данные, полученные Д. Н. Сергеевым на основе проведенных им в 2013 году опросов сотрудников уголовно-исполнительной системы, прокураторы и судов, о том, что «термин “probation” и его производные непонятны большинству респондентов. Более того, большая часть респондентов, осведомленных о практике применения системы probation в зарубежных странах, в том числе в республиках бывшего СССР (Латвия, Молдова, Казахстан), указали на несоответствие понятия “probation” функциям создаваемой службы probation» [5: 69]. С учётом этого и ряда других концептуальных моментов сугубо юридического толка, которые на момент публикации цитируемой работы вызвали вопросы у теоретиков права в связи с организацией и функционированием нового правового института в нашей стране, специалист-правовед задаётся резонным вопросом: насколько целесообразно «заимствовать термин “probation”, чуждый российской правовой системе и не совсем точно передающий замысел разработчиков законопроекта?» [там же]. С ним солидарны в этом отношении и авторы [14].

В чём же заключается суть нового института? Федеральный закон определяет пробацию как «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобождённых из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц» [10]. Законом регламентированы три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Очевидно, что, во-первых, российская пробация, в отличие от probation, это не столько определённый тип наказания и условия его исполнения, сколько практика объединения в рамках уголовно-исполнительной системы контрольно-надзорных полномочий и функций по социальной адаптации и реабилитации; то есть, налицо явное смещение акцентов в концептуально-понятийном содержании заимствованного англоязычного термина. Во-вторых, в российской уголовно-исполнительной системе пробация распространяется на более широкий круг лиц, нежели probation (сюда относятся лица, не только условно-осужденные, но и условно-досрочно освобождённые, а также лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы).

Проведённый понятийно-терминологический анализ показывает, что юридические понятия, номинируемые терминологическими когнатами пробация и probation, лишь частично совпадают по объёму содержания. Ключевая зона пересечения – деятельность, направленная на предотвращение осужденными новых преступлений и правонарушений. Здесь следует особо отметить, что, в частности, в Великобритании, в уголовно-исполнительной системе выделяется отдельная структура – Probation Service (служба пробации). Основное различие между probation и probation service заключается в сфере действия и функциях в системе уголовного правосудия. Пробация – это особый вид наказания, назначаемый правонарушителям, а служба пробации – это учреждения, отвечающее за исполнение пробации и других видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которые предусмотрены системой правосудия страны. Как отмечается на сайте Службы пенитенциарных учреждений и службы пробации Великобритании (HM Prison and Probation Service), служба пробации «работает в тесном сотрудничестве с полицией, тюрьмами и судами, чтобы оценить степень опасности, которую правонарушитель может представлять для общества, и рекомендовать соответствующие меры в рамках назначенного наказания, направленные на социальную реабилитацию» (перевод мой. – С. К.) [12]. Выше уже отмечалось, что социальная реабилитация наравне с адаптацией декларируется вступившим в силу российским законом как основная цель пробации. Примечательно, что в тексте закона не фигурирует понятие «служба

пробации» как таковое, пробация определяется как совокупность мер, однако закон устанавливает субъекты пробации различных уровней, а также предусматривает создание центров пробации. Юристы считают, что на данный момент неким, но не полным аналогом службы пробации зарубежных стран в России являются уголовно-исполнительные инспекции [1, 5, 7 и др.].

Принимая во внимание всё вышеизложенное, мы можем констатировать, что с учетом национально-правовой специфики переводить термин «пробация», принятый в законодательстве РФ, как probation неверно. Наиболее адекватным вариантом перевода представляется номинация probation service, хотя и в том случае можно говорить лишь о приблизительном соответствии.

Список литературы

1. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.
2. Есаков Г. А. Международное уголовное право и доктрина российского уголовного права // Российский ежегодник международного права. 2015. Специальный выпуск: СПб.: ООО «Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2016. С. 212–233.
3. Лайкауф Г. От словаря слов к словарю понятий: о проблемах перевода и двуязычного описания юридических терминов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 150–157.
4. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 816 с.
5. Сергеев Д. Н. Нужен ли закон о пробации? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3(25). С. 68–72.
6. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов. 3-е изд., стер. Санкт-Петербург: Лань, 2022. 396 с.
7. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 2 (58). С. 204–212. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lur5b6u26c931972576 (дата обращения: 08.04.2024)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Criminal Code of the Russian Federation. Параллельные русский и английские тексты. Английский перевод У. Э. Батлера. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2008. 411 с.
10. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882/page/1> (дата обращения: 02.04.2024)

11. Justice Ministry drafts bill on probation system in Russia. URL: https://www.rapsinews.com/legislation_news/20210119/306668063.html (дата обращения: 02.04.2024)
12. Probation Service. URL: <https://prisonandprobationjobs.gov.uk/about-hmpps/probation-service/>
13. Probation system in Russia could reduce second offenses committed by former prisoners. URL: <https://legalforum.info/en/news/aprobatsija-podhodov-k-sistemizatsii-pravovyh-aktov-v-sovremennyh-uslovijah/> (дата обращения: 02.04.2024)
14. Romashov R. A., Bryleva E. A. Post-prison resocialization — myth or reality? // Vestnik of Saint Petersburg University. 2019. Law 4. Pp. 827–835. <https://doi.org/10.21638/spbu.14.2019.414>
15. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/rus_e/wtaccrus58_leg_362.pdf (дата обращения: 02.04.2024)
16. Vladimir Putin signed the law on probation. URL: <https://www.akm.ru/eng/news/vladimir-putin-signed-the-law-on-probation/> (дата обращения: 02.04.2024)

Об авторе:

КОЛОСОВ Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственный университет (Тверь, 170100, ул. Желябова, 33), e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

ON TRANSLATION OF LEGAL COGNATE TERMS: RUSSIAN LEGAL TERM ‘PROBATSIA’ VS PROBATION

S.A. Kolosov

Tver State University, Tver

Legal terminology has national specificity both in the source language and in the target language, which creates additional difficulties for selecting translation correspondences. The paper discusses the problem of appropriate translation of the Russian correctional law term "probatsia" as its cognate term English language jurisdictions – probation – has a narrower meaning.

Keywords: *cognate terms, correctional legislation, legal terms, probation*

About the Author:

KOLOSOV Sergei Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Philology), associate professor, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University (170100, Zheliabov Str., 33, Tver), e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

© Колосов С.А., 2024

Статья поступила в редакцию 02.04.24

Подписана в печать 10.04.24